

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

IX¹⁾.

Ложные слухи о неповиновеніи солдатъ.—Отступленіе войскъ.—Призывъ покончить съ „черными сотнями“.—Общая забастовка рабочихъ.—Объявленіе баронскихъ владѣній достояніемъ латышской республики.—Безъакцизная продажа спирта „народу“.—Послѣдствія этого.—Взрывъ революціи.—Возстаніе въ Туккумѣ.—Неудавшееся нападеніе на Митаву.—Сожженіе замковъ.—Священный дубъ.

Положеніе въ Курляндіи все болѣе обострялось. Войска вслѣдствіе своей малочисленности оставались почти безучастными свидѣтелями творившагося „правонарушенія“, не говоря уже о такихъ пустякахъ, какъ г.-губернаторскія „временныя правила“ и приказы, тщетно устрашавшіе латышей „безпощадной строгостью“. Такое положеніе вещей въ конецъ подрывало авторитетъ уже не власти предержавшей, а грубой силы войска. Не тактично разбросанныя, какъ бы специально для защиты большихъ имѣній, они ничего и не могли подѣлать. Все это придавало революціонерамъ самоувѣренности и побуждало къ еще болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ и, что важнѣе всего, давало право ораторствовать на митингахъ: начальство не увѣрено въ солдатахъ, боится, они на нашей сторонѣ. И для подкрѣпленія этой увѣренности распускались слухи, что тамъ-то рота не исполнила приказаній; не стрѣляла; тамъ-то вмѣсто залпа въ толпу пустила его въ начальство и т. п. Народъ понуждался агитаторами покончить съ ничтожными силами войскъ, „съ черными сотнями“, „наемниками бароновъ“, „задавить ихъ массою“, а равно „поубивать полицію и всѣхъ

¹⁾ См. „Р. Ст.“, Ноябрь, 1913 г.

чиновниковъ“ (изъ прокламацій). Наконецъ, послѣдовало приказаніе г. - губернатора (отъ 28 ноября) стянуть всѣ части войскъ района въ одномъ пунктѣ, увезти съ собою правленія воинскихъ начальниковъ, казначейство и пр. Во исполненіе этого въ Газенпотѣ собраны были части Гольдингенскаго района. Такимъ образомъ на пространствѣ двухъ уѣздовъ, только упомянутый городъ оставался въ рукахъ правительства—все остальное попало уже фактически во власть торжествующаго народа, вѣрнѣе, революціонныхъ комитетовъ.

Съ 1 док. начались вездѣ забастовки сельскихъ рабочихъ. Владѣтели имѣній осаждали просьбами о помощи уѣздныя и губернскія власти. Всѣ онѣ, конечно, оставались безъ отвѣта—въ Гольдингенскомъ уѣздѣ никакихъ властей, кромѣ революціонныхъ, и не было. „Народу“ послѣдними было объявлено, что баронскія имѣнія дѣлаются достояніемъ республики и раздѣлу не подлежатъ—[„какъ нельзя между всѣми раздѣлить черепицы крыши—только вмѣстѣ онѣ защищаютъ строеніе“ пояснялось (изъ протокола)]; доходы съ нихъ должны поступить „на благоустройство республики“—надо же на что-нибудь порядочно жить многочисленнымъ устроителямъ, давно уже ничѣмъ, кромѣ агитаціи, не занимавшимся.

Всѣ батраки должны были оставаться на мѣстахъ. Комитетъ имъ будетъ уплачивать жалованіе. Но увеличивать его нѣтъ основанія—все сдѣлается дешевле, подати уменьшатся. Дѣло, молъ, наше выиграно; въ Россіи правительство не существуетъ. Видите сами—войска повсюду передъ нами отступаютъ; теперь только побольше энергій — добить остатки и выжить ихъ изъ предѣловъ нашего отечества, а съ ними и нѣмцевъ (изъ протоколовъ, показанія свидѣтелей). Вотъ примѣръ, какъ начали хозяйничать комитеты.

Недалеко отъ Шрундена есть богатое имѣніе барона Фиркса—Рудбаренъ, а въ немъ большой винокуренный заводъ. „Делегаты комитета“ заявили штату баронскихъ служащихъ (администраціи), что они устраняются отъ должностей, а самое имѣніе поступаетъ въ вѣдѣніе „Сельскаго рев. комитета“. Служащіе, боясь кровавой расправы, уступили. Одинъ изъ нихъ—„смотритель замка“ остался было нести свои обязанности и незамедлительно получилъ нѣчто вродѣ смертнаго приговора. Онъ характеренъ, приводимъ его. „Ты долго еще собираешься заниматься доносомъ? Не предчувствуешь что ли своей участи. Но конецъ твой уже близокъ. Неужели ты не понимаешь, что поступаешь подло! Разсчитываешь получить награду отъ этихъ

трутней (бароновъ), высасывающихъ кровь у людей еще при ихъ жизни. Товарищамъ за тебя стыдно, должно быть стыдно и тебѣ самому. Смотритель амбаровъ, погребовъ... ты прохвостъ! (собственно: „цѣлуешь баронскій хвостъ“). Но это превышаетъ всякую мѣру. Жди заслуженной награды, она тебя не минетъ. Если же хочешь умереть въ постели, брось эту работу, свойственную подлецамъ! Будешь продолжать—тебѣ и подобнымъ будетъ вырванъ языкъ, чтобы не доносили, выбиты зубы, чтобы не рвали мяса, выпущены кишки, чтобы вылить изъ нихъ выпитую кровь. Стыдъ, стыдъ подлецамъ! Я знаю о твоей подлости и объявлю о ней всему народу“.

Письмо написано на безукоризненномъ латышскомъ языкѣ. Завѣдующему заводомъ, Рафельду, комитетъ предложилъ остаться и вести отчетность. Самый же запасъ спирта приказалъ продать „по нормальной цѣнѣ“, безъ акциза. Желавшимъ купить выдавалъ именныя записки. На дешевизну конечно всѣ польстились, латыши охотники выпить, хотя социалисты и рѣшили отучить ихъ отъ этой склонности. Но разъ спиртъ выкурень—не выливать же его! И на заводъ потянулась вереница жаждущихъ. Рафельдъ выдавалъ каждому назначенное комитетомъ количество спирта и аккуратно записывалъ фамиліи предъявителей записокъ. Нѣкоторымъ было разрѣшено купить сразу большое количество. Такъ одинъ еврей купилъ цѣлую бочку, тотчасъ же отправилъ ее куда-то и заработалъ изрядно, но послѣ поплатился. Такимъ образомъ, въ кассу завода поступило 2.800 р. 40 к., но почти всѣ эти деньги успѣли разобрать „комитетскіе рабочіе“, какъ жалованіе себѣ, не особенно довѣрявшіе обѣщанію вожаковъ имъ уплатить. И въ кассѣ осталось всего лишь 25 р. 22 к. Спиртъ не весь былъ проданъ. Его брали и безъ записокъ, силою, наводнявшіе Рудбаренъ, вооруженные мятежники при шествіи ихъ на Газенпотъ, „куда они ходили для поддержанія крестьянъ съ борьбѣ съ войсками“. Они тогда попивали спиртъ „для куража“. Послѣ же разгрома банды остатки ея снова посѣтили Рудбаренъ, „вновь требовали спирта“ и пили его уже „съ горя“.

Но „подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи войскъ, комитетъ (распоряжавшійся Рудбаренскимъ имѣніемъ) фактически распался“. Войска дѣйствительно скоро прибыли. Въ январѣ началось сведеніе счетовъ. Почувствовавшее снова подъ собою почву, акцизное вѣдомство потребовало привлеченія къ отвѣтственности любителей дешевой водки; полиція же, опираясь на внушительный авторитетъ карательныхъ отрядовъ, не за-

медлила привлечь къ отвѣтственности тѣхъ же любителей и за самоуправство, грабежъ и даже вооруженный. Запись въ книгахъ завода лицъ, бравшихъ спиртъ, облегчила дознанія. Всѣ обвиняемые были собраны въ Шрунденскомъ волостномъ правленіи и допрошены (399 чел.). Они не заирались — „брали, молъ, съ разрѣшенія комитета“. 138.159⁰ безводнаго спирта подлежало теперь оплатѣ, стоимость 15.199 р. 67 к. Эту сумму именно казна теряла плюсъ еще какой-то штрафъ (комитетъ продалъ штофъ спирта по 20 к., когда какъ въ продажѣ онъ стоитъ 1 р. 90 к.;—всѣ свѣдѣнія изъ протокола).

Въ началѣ декабря положеніе сдѣлалось настолько серьезно, что у начальства явилось даже опасеніе за цѣлость собранныхъ войскъ уже въ одномъ даже мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, Газенпотскому отряду было предписано *отступить* въ Либавѣ, если онъ не будетъ въ состояніи держаться въ городѣ, хотя это и было бы сопряжено съ потерей всей Либаво-Газенпотской ж. д. До этого впрочемъ не дошло. Тревога обуславливалась только бездѣятельностью войскъ, т.-е. начальниковъ раіоновъ, что и вселило „противнику“ самоувѣренность.

Вотъ, какъ оказалось послѣ, что творилось уже въ эти дни въ г. Туккумѣ и его уѣздѣ (сосѣднемъ съ Гольдингенскимъ).

Съ срединѣ ноября (1905) началось революціонное движеніе, выразившееся въ томъ, что по всему уѣзду, а въ особенности въ окрестностяхъ Туккума, стали появляться вооруженныя толпы; въ волостяхъ начали собираться митинги для раздачи оружія населенію. При производимыхъ уѣз. начальникомъ обыскахъ были находимы всюду оружіе и патроны, въ виду чего населенію было объявлено, что тѣ дома, изъ которыхъ будутъ произведены выстрѣлы по войскамъ, будутъ сожжены.

Вскорѣ начались открытыя столкновенія между военными патрулями и населеніемъ, сопровождавшіяся жертвами съ обѣихъ сторонъ. Вечеромъ 29 ноября, туккумскій городской голова по телефону предложилъ уѣз. начальнику, барону Р., „публично отвергнуть“ высказанную имъ угрозу о сожженіи домовъ и разрѣшить вооруженную самооборону—для чего слѣдуетъ возвратить отобранное у населенія оружіе.

Уѣз. начальникъ всѣ эти требованія отклонилъ. Тогда городской голова обратился къ начальнику Туккумскаго раіона, подпол. *Миллеру* съ просьбою разрѣшить самооборону, а войсковые патрули убрать, при этомъ условіи онъ ручался за спокойствіе въ городѣ. Миллеръ разрѣшилъ. Самооборона изъ жителей была быстро сформирована, и къ утру 30 ноября весь

городъ былъ занятъ многочисленными вооруженными людьми, вступившими ночью въ городъ изъ окрестности. Появившіеся въ городѣ воинскіе чины стали подвергаться разстрѣлу изъ домовъ, гдѣ засѣли повстанцы. Подп. Миллеръ потребовалъ къ себѣ городского голову. Послѣдній объяснилъ, что его ввели въ заблужденіе, что подъ видомъ самообороны городъ былъ занятъ революціонерами, что „комитетъ“ *требуетъ ухода войскъ изъ города съ выдачею оружія*. Миллеръ отказался исполнить требованія революціонеровъ. Послѣ этого гостиница, гдѣ проживалъ онъ и драгунскіе офицеры, стала подвергаться разстрѣлу.

1-го дек. повстанцы подожгли сосѣднее зданіе. Положеніе солдатъ сдѣлалось невыносимо, и было рѣшено пробиться изъ города. Предварительно были выпущены лошади, а послѣ выбѣжали на улицу и пустились въ разныя стороны драгуны съ офицерами, подъ убійственнымъ огнемъ стрѣлявшихъ изъ домовъ повстанцевъ. Отрядъ при этомъ потерялъ много людей убитыми. Убитъ былъ и начальникъ района Миллеръ.

Одновременно съ этимъ революціонеры арестовали чиновъ полиціи и освободили изъ тюрьмы политическихъ, уничтожили дѣла полицейскаго управленія, судебного слѣдователя и разграбили винныя лавки. Вмѣстѣ съ тѣмъ толпа мятежниковъ бросилась на вокзалъ и не пустила въ Ригу готоваго къ отходу поѣзда, чтобы извѣстія о положеніи вещей въ Туккумѣ не дошли до властей.

До самаго вечера городъ оставался въ распоряженіи мятежниковъ. Когда въ городѣ вечеромъ въ латышскомъ собраніи происходило совѣщаніе, слышались орудійные выстрѣлы. Это прибывшій подъ начальствомъ ген. Хорунженкова отрядъ бомбардировалъ городъ. Въ виду этого съ генераломъ были начаты переговоры, во время которыхъ большинство вооруженныхъ людей успѣло скрыться, а остальные покорились и выдали оружіе.

Описаніе Туккумскихъ событій приведено нами съ чужихъ словъ.

Въ это же время ходили слухи, подтвердившіеся впоследствии, что даже на самое Митаву, мѣстопробываніе ген.-губернатора и довольно сильнаго гарнизона съ пушками, пулеметами, готовилось нападеніе. Мятежные предводители разослали по волостямъ предписанія собрать вооруженныхъ крестьянъ и направить ихъ на сборный пунктъ. Въ такихъ случаяхъ, чему послѣ примѣры были уже и у насъ на глазахъ, издавались прокламаціи, озаглавленныя „Народная Мобилизація“. Въ нихъ объявлялось, помимо всего прочаго, что будетъ производима

повѣрка явившимся, уклонившіеся же „отъ долга“ будутъ ка- раемы смертью.

Вотъ она, широкая свобода личности, проповѣдываемая г.г. социалистами! Иди на убой, хотя, можетъ быть, ты и не сочув- ствуешь сумасбродной затѣѣ.

Толпа около четырехъ тысячъ человѣкъ собралась гдѣ-то не да- леко отъ Митавы и двинулась было уже къ ней съ цѣлью захвата. Но высланный впередъ одинъ изъ лазутчиковъ попалъ въ руки полиціи. Мятежный планъ былъ обнаруженъ и соотвѣтствующія приготовленія къ встрѣчѣ властями сдѣланы. Объ этомъ бывшіе въ городѣ соумышленники дали знать въ банду. Предводителя послѣ этого не рѣшились привести въ исполненіе безумный планъ, распустили повстанцевъ, а сами, по обыкновенію, скрылись.

Вездѣ въ странѣ баронскіе замки начали систематически сжигаться. ;)тимъ, помимо желанія „выкурить бароновъ“, еще преслѣдовалась стратегическая цѣль. „Если, говорилось на ми- тингахъ, мы уничтожимъ замки, войска или должны будутъ очистить страну, или расположиться по мелкимъ усадьбамъ, гдѣ съ ними легко можно будетъ справиться“.

И замки, прелестные замки, полные драгоценныхъ вещей, исто- рическихъ памятниковъ, запылали. И не много ихъ осталось въ Курляндіи! Каждый день доходили слухи, что сгорѣлъ такой-то, что горитъ такой-то—многіе изъ нихъ были такъ обширны, что понадобилось много времени, чтобы обратить ихъ въ груды му- сора. Мрачное декабрьское небо по ночамъ озарялось обыкновенно зловѣщимъ краснымъ заревомъ. До 1 янв. въ одной Курляндіи было сожжено 52 замка, между ними погибъ и древній рыцарскій Нейбургъ, построенный въ 1301 г.

Съ особеннымъ сожалѣніемъ услышали мы о гибели зна- комаго намъ замка „Эдваленъ“—въ 17 вер. отъ Гольдингена, воз- никшаго, кажется, въ 1263 г. и долго принадлежавшаго Пильтен- скимъ епископамъ.

Эдваленъ ни разу не былъ взятъ непріателемъ, никогда не горѣлъ и въ почти непрекосновенномъ видѣ достоялъ до нашихъ дней, чтобъ погибнуть отъ „дерзновенной“ руки расходившихъ современныхъ вандаловъ.

Громадный замокъ былъ построенъ, съ сохранившимся до на- шихъ дней, небольшимъ дворикомъ внутри для пѣшихъ турни- ровъ—кругомъ по стѣнамъ галлерей, гдѣ помѣщались судьи, зрители. Стѣны замка, даже внутреннія, необычайной толщины. По всей вѣроятности, окна послѣ были увеличены,—обыкновенно прежде они дѣлались, въ видахъ оборонительныхъ, небольшими.

Позднѣйшей формации также надстройка надъ фронтальной башней, въ стилѣ Тюдоровъ, что нѣсколько испортило общій видъ. Но за то прекрасно сохранилась боковая круглая башня. Замокъ окруженъ вполне исправными еще рвами, въ немъ воды до 18 футовъ глубины, слѣды подъемнаго моста. Обставленъ онъ былъ внутри прекрасно. Тонкой рѣзьбы старинная въ готическомъ стилѣ мебель и проч. Гармонія во всемъ, все строго выдержано— и все это погибло, послѣ того какъ стоявшій въ мызѣ полускадронъ покинулъ его при общемъ отступленіи.

Остался только знаменитый Эдваленскій дубъ (вблизи замка). Его латыши и должны пощадить. Дубъ этотъ, по преданію, видѣлъ ходъ сѣню своихъ вѣтвей далекихъ ихъ предковъ-язычниковъ, приносившихъ жертвы богамъ.

Е. А. Альбовекій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

